

Культура

«Только секс и смерть
достойны обсуждения»

В киностудии «12 А» начинается дубляж фильма Питера ГРИНУЭЯ «Чемоданы Тульса Лупера», который вскоре выйдет на наши экраны. При этом голоса будут дублировать не актеры, а искусствоведы и критики, в том числе Михаил Швыдкой и кинообозреватель «РК» Виктор Матизен. В преддверии выхода картины публикуем беседу Давида ШНЕЙДЕРОВА («Синемания») со знаменитым английским режиссером.

— На мой взгляд, просмотр ваших фильмов — не развлечение, а тяжелый труд. Что вы об этом думаете?

— Думаю, что немного тяжелой работы, к которой тебя подталкивают органы твоих чувств, — это не так уж плохо.

— Как вы считаете, кто пойдет смотреть «Чемоданы Тульса Лупера»?

— Прежде всего люди, которые и раньше интересовались моими фильмами. Кроме того, появилось огромное количество новых любителей кино. Я имею в виду молодую аудиторию в возрасте примерно от 14 лет. У моих родителей представление о драме сложилось благодаря театру. Для моего поколения оно сложилось благодаря кинематографу. Когда я впервые привел своих детей в кино, они сказали, что это большое телевидение в темноте. А нынешнее молодое поколение не интересуется телевидением, потому что, с их точки зрения, оно было всегда. Их интересует компьютер. А это означает быстрый просмотр, комплексность и огромное количество материала.

— Однажды вы сказали: «Вы можете любить Гринуэя, вы можете ненавидеть Гринуэя, но, если вы ничего не чувствуете, значит, вы не понимаете Питера Гринуэя. Что это значит?»

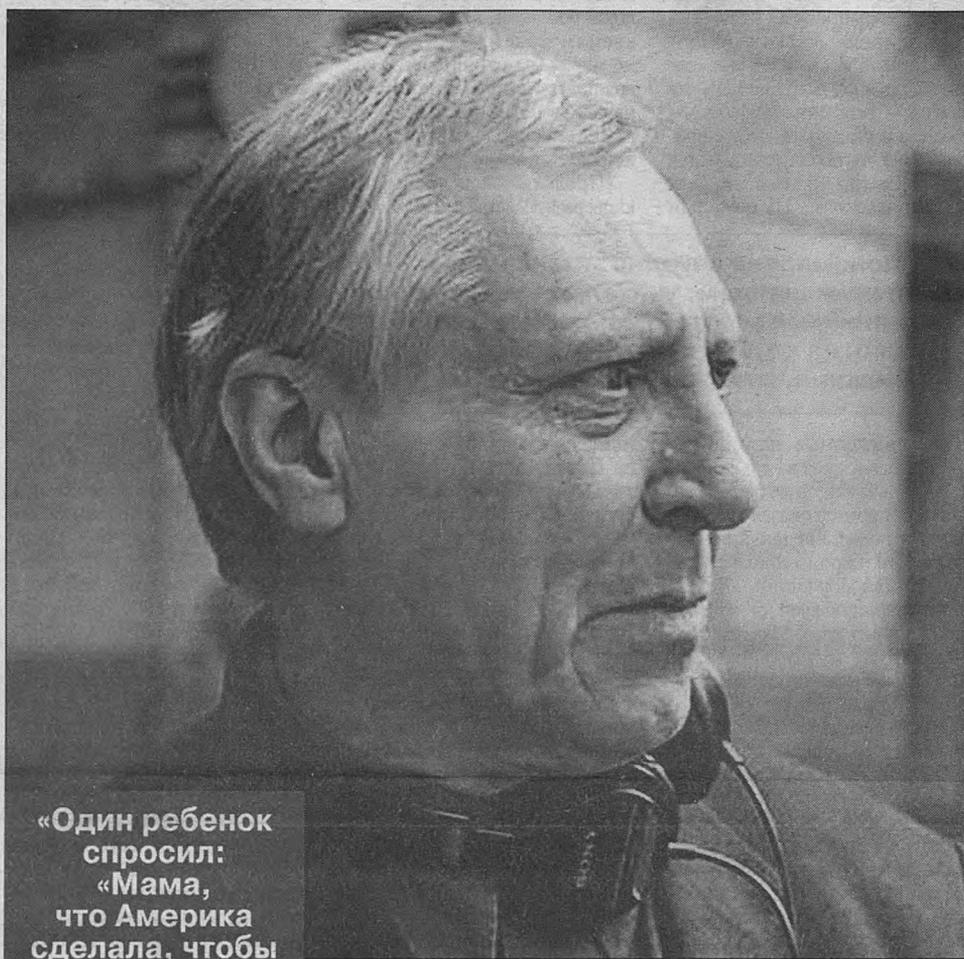
— Я думаю, что худший фильм — тот, который не вызвал ни у кого никаких чувств, позитивных или негативных.

— Вы работали с американскими, европейскими и русскими актерами. Чувствуется ли разница в актерских школах?

— Я часто слышу этот вопрос, но полагаю, что актеры и актрисы во всем мире одинаковы. У них одни переживания, одни интересы, одно чувство соперничества. В этом смысле между ними больше сходства, чем различия.

— Как вы отделяете реальность от вымысла в своих фильмах?

— Кино — это иллюзион. Попытки достичь натурализма или реализма — просто потеря времени. Голливуд всегда называли фабрикой грёз. Обязанность кино — исследовать вещи, которые нельзя найти в повседневной жизни. Моей целью является изучение новых видов драмы. Я работаю с раз-

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВ

«Один ребенок спросил: «Мама, что Америка сделала, чтобы так сильно расстроить мир?» Это очень важный вопрос, на который нужно найти ответ...»

личными способами выражения. Иногда я реалист, и снимаю так детально, что получается почти «Дога». Иногда захожу на территорию Станиславского и использую психологическое воздействие. Иногда становлюсь Шекспиром на сцене, где нет декораций, минимум света и все в черных тонах. Иногда изображаю изящные манеры, как во времена Мольера и Людовика XIV. А иногда использую крайнюю вульгарность в духе MTV. Я хочу быть уверенным, что использую все возможные средства.

Надо всегда помнить о том, что главное — развлечение. Хотя, конечно, существует множество различных развлечений, в том числе Шестая симфония Бетховена и Сикстинская капелла.

— Иногда создается ощущение, что вы в своих фильмах играете с нами в какую-то таинственную игру. Что это за игра?

— Я англичанин. А англичане придумали почти все игры в мире. Они любят ограждать себя, перепрыгивать с одного на другое, хитрить. Английский язык полон необычных и сложных идиом. В общении они опираются на иронию и двоемыслие: «Мы хотим сблизиться с вами, но лучше пойдём в об-

ход, чем прямо». Стоит также обратить внимание на климат. Мы живем на северном острове, мы отрезаны от всех. Я серьезно думаю, что характеристику нации можно дать, изучив погоду ее страны. В южной части Европы есть представление о наготы, в северной части — об обнаженности. Между этими понятиями есть разница. При наготы ты можешь испытывать чувство вины, а обнаженность — это экспозиция, предназначенная для всеобщего просмотра. И все эти особенности за долгое время определили характер нации. Англичане — большие профессионалы в области черного юмора.

— У вас есть миссия?

— Если бы я мог изложить ее в нескольких фразах, не думаю, что это было бы интересно. Мир невероятно запутан и сложен, и я хочу, чтобы кино это отражало. Мы пытаемся проникнуть в суть цивилизации, создавая системы и методы, но они удовлетворяют нас только на ограниченный период времени. Когда все становится понятно, мы отказываемся от этих систем и придумываем другие.

— Если бы у вас было больше времени, вы бы занялись чем-нибудь другим или вы на все сто процентов удовлетворены тем, что есть?

— Я начинал как художник, а затем стал тратить время на другое. Я всегда хотел быть художником, но реализовался как кинорежиссер. Я бы мог оправдаться тем, что мое дело — это снимать кино, но думаю, что пять тысяч лет, которые существует искусство рисования, го-

раздо важнее для Европы и несравнимы с местной технологией, которую мы называем кино.

— Когда я смотрел «Чемоданы Тульса Лупера», я чувствовал, что кино меняется. Я чувствовал это больше, чем когда смотрел «Матрицу». Как новые технологии соотносятся с актерскими способностями?

— Интересно, что вы упомянули «Матрицу», потому что я знаю нескольких людей, которые говорили, что «Чемоданы...» — это интеллектуальная «Матрица». Но я думаю, что «Матрица», насколько я понял, пытается налить новое вино в старые бутылки. А я хочу налить новое вино в новые бутылки.

— Многие европейские режиссеры мечтают работать в Голливуде. А вы?

— Никогда. Я бы там погиб в творческом смысле, как погибли многие европейские режиссеры. Голливуд уничтожает режиссерскую индивидуальность. А я все 25 лет своей кинокарьерой делал режиссерское, авторское кино.

— Вы верите в судьбу?

— Я атеист. Мистика мне скучна. Я бы никогда не смог поверить в Судьбу с большой буквы. Я во всем иду подоплеку. Я полностью свободен от предрассудков. И знаю, что в мире есть две непреодолимые ситуации. Одна из них — неизбежность рождения, а вторая, конечно, неизбежность смерти. Также я знаю, что есть две вещи, которые достойны обсуждения — это секс и смерть.

— Многие обвиняют в событиях 11 сентября 2001 года кино

и телевидение. Что вы думаете об этом?

— Думаю, что кино и ТВ виноваты в этом в последнюю очередь. Если в нынешней России позволительно об этом упомянуть, 11 сентября — «марксистское» событие, связанное с экономикой. С тем, кто богаче, а кто беднее, у кого есть привилегии, а у кого нет. В Америке вежливо обходят этот вопрос стороной. Все кричат о терроризме. Но нужно помнить, что сама Америка была основана на терроризме. Один ребенок спросил: «Мама, что Америка сделала, чтобы так сильно расстроить мир?» Это очень важный вопрос, на который нужно найти ответ, но он пока не найден.

— Кого из режиссеров вы могли бы назвать своим учителем?

— Есть только один кинорежиссер, которого можно сопоставить с такими гениями, как Микеланджело и Бетховен, — это Эйзенштейн, который создал словарь кино. А первым среди своих любимых режиссеров я бы назвал Алена Рене, который снял три самых умных фильма в мире.

— Но я слышал, что вы решили стать режиссером в 16 лет, после того как посмотрели фильм Ингмара Бергмана.

— Это правда. Картины Бергмана обладают огромным воздействием на подростка, которого интересуют вера и суеверие, секс и возрастные проблемы. Хотя не знаю, как бы я отреагировал на них сейчас, в нынешнем своем возрасте.

— В чем, по-вашему, уникальность Гринуэя?

— Трудно оценивать себя со стороны. Могу предположить, что моим фильмам можно дать две характеристики. Во-первых, они очень рефлексивны. А во-вторых, они не отражают окружающую реальность. Я хочу, чтобы после просмотра моего фильма вы всегда понимали, что посмотрели фильм. Это не часть жизни, не окно в мир. Здесь я очень далек от других английских режиссеров. Думаю, что лучший способ рассказать правду — это рассказать большую, плохую и абсолютную ложь.

— В последние годы вы работали в театре. Вам это нравится?

— Около десяти лет назад у меня возникло разочарование в кино. Мне казалось, что кино больше не развивается, что оно превратилось в машину для зарабатывания денег. Я был крайне разочарован, даже впал в депрессию. Работая в опере и театре, я многое понял, и сейчас вновь готов вернуться в кино.

— Что вы думаете о конкуренции между европейскими и американскими фильмами?

— У меня такое чувство, что Европа это сражение проиграла. Американцы сделали ставку на молодежь, которой нужны сильные и дорогостоящие эффекты, и захватили эту аудиторию. Большинство фильмов, которые можно увидеть в Европе и в России, — американские. Но мы продолжаем сражаться.